

В.В. Шапошникова

Печорин

Григорий Александрович Печорин появляется во всех пяти частях романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», причем в повести «Бэла» о нем рассказывает Максим Максимыч, а в «Максим Максимыче» — автор-повествователь; повести же, составляющие «Журнал Печорина» («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист»), написаны от лица главного героя романа.

По описанию Максима Максимыча, Печорин — молодой человек лет двадцати пяти; «он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький», — потцовски рассказывает штабс-капитан о новом подчиненном, поняв, что он недавно на Кавказе, переведен сюда из России. Добрый, но недалекий Максим Максимыч увидел противоречия в поведении Печорина: он «славный был малый <...>, только немножко странен» — мог непогожий день выдержать на охоте, а простудиться от ветра из форточки; от стука ставня у себя в комнате вздрогнет и побледнеет, а один ходил на кабана; то молчит часами, то смешит, так, что «животики надорвешь». Максим Максимыч уверен, что «есть люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться необыкновенные вещи, — таков Печорин

Более подробный портрет Печорина дается глазами повествователя:

«Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке <...> Его походка была небрежна и ленива, но <...> он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера <...> В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, выющиеся от природы <...> живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб <...> Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке <...> У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза <...> Они не смеялись, когда он смеялся! <...> ...Он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским».

Бэла

Печорин в повествовании о нем Максима Максимыча — человек, умеющий играть на недостатках людей. Азамат был падок на деньги, и Печорин добился своего — мальчишка украл лучшего козла из отцовского стада. Так же он использовал страстное желание Азамата иметь коня Казбича: он привез Печорину свою сестру Бэлу. Печорин сначала задразнил Азамата: «Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок <...> рано тебе ездить верхом». Когда Азамат заколебался, Печорин надоумил воспользоваться для похищения сестры отъездом отца, и Азамат согласился. Как удалось Печорину похитить Карагеца, Максим Максимыч не знает, но для этого нужны были, конечно, не только смелость, решительность, ум, но и дерзость, жестокость — Казбич после этого «повалился на землю и зарыдал как ребенок». Печорин же считает, что Казбич — разбойник, которого надо было наказать. Каприз Печорина разрушил дом Бэлы — Азамат сбежал, убоявшись мести Казбича, отец был убит Казбичем.

Бэла же, по мнению Печорина, должна быть счастлива, «имея такого милого мужа, как он», — так он отвечает пытавшемуся усовещать его Максиму Максимычу. Печорин

тем не менее признает, что поступил нехорошо, но и сражает Максима Максимыча репликой: «А коли она мне нравится?» Вообще он не мог отступать от своих желаний. «Видно в детстве был маменькой избалован», — замечает Максим Максимыч.

Однако все попытки завоевать расположение Бэлы (подарки, уговоры) были тщетны — красавица не желала видеть Печорина. Но Печорин был упрям. «Она никому не будет принадлежать, кроме меня», — заявил он. Он делал для этого все: каждый день дарил ей подарки, учился по-татарски. Он был готов отпустить ее домой, если она любит другого. Печорин убедил Бэлу, что Аллах, позволяющий ему любить ее, не может запретить платить ей взаимностью, — мысль, поразившая девушку. Печоринская решимость умереть испугала ее — она согласилась быть веселой, но поцеловать его могла только по принуждению, а это было не то, что требовалось Печорину. Вот почему для Печорина Бэла «дьявол, а не женщина». Однако он не побоялся дать Максиму Максимычу честное слово, что через неделю Бэла «будет моя». Они заключили пари. Теперь Печорин изменил тактику: не переставая одаривать ее, он объявил ей, что дает ей полную свободу, а сам хочет наказать себя — «будет гоняться за пулей или ударом шашки». Расчет его был верен: едва он коснулся двери, как Бэла вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Оказывается, с того дня, как она увидела Печорина, русский офицер часто грезился ей во сне.

Печорин и Бэла были счастливы. Печорин даже охотиться перестал, а Бэла была весела — пела и плясала. Однако месяца через четыре Печорин снова стал задумываться, чаще оставляя Бэлу одну. В ответ на расспросы Максима Максимыча Печорин разразился целой речью. Он сказал, что Бог или воспитание дали ему несчастный характер, и он страдает так же, как те, кому он приносит несчастья. Вначале он наслаждался всеми удовольствиями — и они ему опротивели; потом надоел ему большой свет; любовь светских красавиц оставляла пустым его сердце, раздражая только воображение и самолюбие. Науки надоели тоже, потому что он увидел, что слава и счастье от них не зависят. И ему стало скучно и под чеченскими пулями. Бэла представилась ему ангелом, посланным сострадательной судьбой, но вскоре ее невежество и простосердечие (как ранее кокетство светских дам) надоели ему. Печорин заявляет, что его душа испорчена светом: у него ненасытное сердце — «ему все мало». Одно ему осталось — путешествовать, но не в Европу, а в еще мало известные европейцу страны — Америку, Аравию, Индию — «авось где-нибудь умру на дороге».

Однажды они отправились на охоту, и, хотя она не задалась — кабана не было, — Печорин, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи. Эта задержка сыграла роковую роль в судьбе Бэлы. Подъезжая, охотники услышали выстрелы около крепости. Печорин «взвизгнул не хуже любого чеченца» и поскакал спасать Бэлу. Из-за поспешного выстрела Печорина Максиму Максимычу не удалось осуществить своего плана захватить нападавших, и Казбич (это он хотел похитить девушку) ударил Бэлу кинжалом. Напрасно Печорин целовал ее в холодные губы.

Бэла умерла на третий день, и все это время Печорин и Максим Максимыч были рядом с ней. Печорин выполнил последнюю просьбу умирающей — стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и поцеловал ее в губы. Она крепко обняла его. Печорин не плакал. Когда Максим Максимыч сказал, что невыносимая жажда Бэлы — признак конца, он сделался бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. После того, как она скончалась, Максим Максимыч вывел Печорина из комнаты, и они долго ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова. Лицо Печорина «не выражало ничего особенного», по наблюдению старика. Он сел на землю в тени и начал чертить что-то палочкой на песке. В ответ на утешения Максима Максимыча он поднял голову и засмеялся, так что у бедного старика пробежал мороз по коже.

После этого происшествия Печорин был долго нездоров, а месяца три спустя он уехал в Грузию к месту нового назначения. О Бэле с Максимом Максимычем он больше никогда не говорил.

Максим Максимыч

Автор-рассказчик в главе «Максим Максимыч» повествует о Печорине несколько по-другому. Первое, что привлекло его внимание, — это коляска Печорина: «легкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток» (что подчеркивает чужеродность этого предмета для гор Кавказа). Немало для объяснения характера барина говорит внешний вид и поведение его слуги. Лакей Печорина не сразу ответил на вопросы штабс-капитана и даже отвернулся, а потом сделал презрительную мину, услышав о слишком скромном вознаграждении. Так же и Печорин не сразу ответит на призыв старого сослуживца.

Когда наконец усилиями рассказчика встреча Печорина и Максима Максимыча состоялась, то вместо ожидаемых стариком объятий Печорин довольно холодно, хотя и с приветливой улыбкой, лишь протянул ему руку. Потом, правда, он его обнял, как бы извиняясь. Из этой короткой встречи Максим Максимыч узнал, что в течение пяти лет Печорин «скучал», а теперь едет в Персию. После напоминания о Бэле Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся, а после зевнул, но «принужденно», что не скрылось от глаз проницательного повествователя. К бумагам своим, оказавшимся у Максима Максимыча, Печорин проявил полное равнодушие.

В «Предисловии к «Журналу Печорина» автор сообщает о смерти того, кто в своем дневнике так искренне и беспощадно изображал и оценивал свои слабости и пороки. Он умер — как и предполагал — в дороге (из Персии).

Тамань

Вторично читатель встречается с Печориным в повести «Тамань». Через Тамань Печорин ехал «в действующий отряд по казенной надобности». Долго в этом «скверном городишке» они вместе с десятником искали казенную квартиру, и наконец, уставший, не спавший три ночи Печорин потребовал вести «хоть к черту, только к месту». Они очутились в хате на обрывистом берегу моря и встретили там слепого мальчика, к которому Печорин отнесся с предубеждением: он верит в «странное отношение» между наружностью человека и его душой. «Невольное сожаление» к ребенку сменилось у Печорина «подозрением», что слепой не так слеп, как кажется, после того как он разглядел «едва приметную» (но все же замеченную) улыбку на лице мальчика. Подозрение не давало Печорину покоя, он не заснул и ночью. Тень, промелькнувшая на берегу, заинтересовала Печорина. Он, захватив кинжал, вышел из хаты; слепой с каким-то узлом спускался по узкой и крутой тропинке к пристани. Спрятавшись за скалой, Печорин следил за мальчиком и увидел его встречу с «ундиной». Вскоре появился и контрабандист Янко, которого они ждали с большим грузом.

Несмотря на бессонную ночь, Печорин любуется на «голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма» и потом узнает от коменданта, что суда на Геленджик (место назначения Печорина) будут через 3–4 дня. Появилась хозяйка, которая представилась глухой, но расслышала, однако, ее интересующее — про слепого. Все это побуждает Печорина «достать ключ этой загадки».

Печорин сидит на камне, и шум моря напоминает ему ропот засыпающего города и «нашу холодную столицу». Из забвения его выводит песня, то протяжная и печальная, то быстрая и живая. Звуки, казалось Печорину, будто падали с неба. Оказалось, на крыше стояла девушка с распущенными косами, настоящая русалка. Глаза «ундины», одаренные магнетической властью, как будто ждали вопроса, но только Печорин обращался к ней, она убегала. Она была обворожительна — «в ней было много породы», проявлявшейся в поступи, в руках и ногах. Печорин не мог не видеть, однако, «дикое и подозрительное» в ее взглядах, «неопределенное» в ее улыбке, но ему казалось, что он нашел «Гетеву Миньону». Во время разговора с ней Печорин опрометчиво погрозил донести коменданту об их аферах. Вечером девушка, сев напротив Печорина, так «чудно-нежно» глядела

на него, что даже вызвала его смущение, и после этого поцеловала его. Он сжал ее в объятиях «со всею силою юношеской страсти», и «ундина» назначила ему свидание ночью на берегу.

Через два часа, когда все умолкло на пристани, Печорин отправился на берег, обязав, однако, казака в случае сигнала — выстрел из пистолета — бежать на берег. Пистолет он заткнул за пояс. Увидев «ундину», Печорин обратил внимание на то, что одежда у нее была легкая. Когда они оказались у моря, девушка предложила Печорину войти в лодку; он сознается сам себе, что «не охотник до сантиментальных прогулок по морю», но отступить не захотел. Не успел Печорин опомниться, как увидел, что они плывут. Он хотел было осведомиться, что это значит, но девушка обвила его стан руками, и вдруг пистолет Печорина упал в воду — ужасное подозрение зародилось в нем, кровь хлынула в голову. Плавать он не умел, а от берега было уже около пятидесяти саженей. Началась борьба, сильным толчком «бес-девка» чуть не сбросила его в море, Печорин был сильнее, но уступал противнику в ловкости. «Чего ты хочешь?» — закричал Печорин, крепко, до хруста сжав ее маленькие руки, причем она даже не вскрикнула. «Ты видел, — отвечала она, — ты донесешь!» — и хотела выбросить его за борт. Печорин схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, и «ундина» была сброшена в волны.

После долгих усилий Печорин кое-как причалил к берегу. Пережив такое приключение, Печорин имеет силы и любопытство наблюдать по пути к своей хате свидание «русалки», Янко и слепого. Печорин услышал, что Янко и девушка, встревоженные опасностью, уплывают, оставляя слепого. «Грустно» слушал он долгий плач оставленного мальчика.

«И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов*? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!»

Дома Печорин обнаружил пропажу: шкатулку, шашку с серебряной оправой и дагестанский кинжал похитил слепой.

Княжна Мери

Действие «Княжны Мери» разворачивается в Пятигорске и Кисловодске. Печорин нанял в Пятигорске квартиру на самом высоком месте у подошвы горы Машук: во время грозы облака спускаются до крыши его дома. Печорин отправляется к Елисаветинскому источнику, где утром собирается все «водяное общество». Жены и дочери «степных помещиков» вначале заинтересовались Печориным, но, узнав армейские эполеты, с негодованием отвернулись. Тут Печорин увидел своего приятеля Грушницкого, с которым наружно он в самых хороших отношениях, но Грушницкий не любит Печорина, потому что тот раскусил его натуру и главную цель — «сделаться героем романа».

Во время разговора с Грушницким Печорин увидел Мери и отличил ее: она была одета со строгим вкусом — ничего лишнего. Когда Мери подарила Грушницкого «долгим любопытным взглядом», когда она подняла его стакан, Печорин почувствовал зависть. Дразнит он Грушницкого и из-за врожденной страсти противоречить.

Узнав от доктора Вернера, своего доброго приятеля, что княжна уверена в том, что Грушницкий разжалован в солдаты за дуэль, Печорин нашел в этом завязку комедии, о развязке которой он собирается похлопотать. Сама судьба, по его мнению, заботится о том, чтобы в этой ситуации ему не было скучно. Вернер сообщил также, что Печорин в глазах княжны — «герой романа в новом вкусе».

Для «развязки» ему нужно добиться внимания, любви Мери — а он не скрывает от себя и этой цели, — и Печорин использует совсем другие методы, чем Грушницкий, методы, в которых сказываются ум и воля. Это не воздыхания, не комплименты, не пылающие взоры, а совсем наоборот — холодная дерзость, расчет. На бульваре он отвлекает ее поклонников своим умным и язвительным рассказом и щедростью (его «шампанское

торжествует над силою магнетических ее глазок»). Он отмечает в поведении Мери досаду и намерение кольнуть его в разговоре, наконец, он решает, что княжна его «решительно ненавидит»; к тому же нежелание Печорина знакомиться с ней заведенным порядком представляется ей «ужасно странным» и обидным.

В магазине он добивается «самого восхитительного бешенства» ее взгляда, когда покупает персидский ковер, который она торговала. От Грушницкого Печорин с удовлетворением узнает, что он у княжны «на дурном замечании» — это входит в его планы. Печорин втайне рассчитывает каждый свой шаг, чтобы приобрести над княжной власть. В прошлом у него была такая женщина, которую он любил и власть над которой не мог не чувствовать, — Вера.

Веру он снова обретает в Пятигорске. Она приехала сюда, зная, что Печорин здесь. Вера говорит, что Печорин не дал ей ничего, кроме страданий, но она продолжает любить его. Несмотря на приезд Веры, не изменились планы Печорина насчет Мери: он, по уговору с Верой, должен «волочиться» за княжной, чтобы отвлечь внимание от Веры. Ее — единственную женщину на свете — он не в силах был бы обмануть.

Встреча с Верой, воспоминание о счастье, которое она ему дарила, взволновали Печорина.

«Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади <...> Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется <...> Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем ...»

Эта поездка доставила к тому же новую возможность вызвать на себя гнев княжны. Выхав неожиданно перед Мери и Грушницким из кустов, Печорин очень испугал Мери, по костюму принявшую его за черкеса. Ответ Печорина («Не бойтесь, сударыня, — я не более опасен, чем ваш кавалер»), с покушением на дерзость, смог вызвать в ней смущение.

Хотя мысли о Vere в тот вечер не давали Печорину возможности уснуть и погнали его ночью на бульвар, с Грушницким, шедшим от Лиговских, делиться ими он не стал. Их разговор привел к другому — к пари: Печорин будет в доме у Лиговских и станет волочиться за княжной, когда Грушницкий ей наскучит и когда представится удобный случай.

На балу 22 мая случай представился — именно здесь у Печорина появилась возможность познакомиться с Мери как герою, «спасая от верной смерти свою любезную». Оказавшись случайным свидетелем разговора драгунского капитана и толстой дамы, подстрекавшей «проучить девчонку» — Мери, неловко ее задевшую, Печорин тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать. Во время танца он не мог не ощутить обаяния девушки, а она не совсем умело скрывала свое торжество. Драгунский капитан осуществил свое намерение скомпрометировать княжну — из кружка этих людей отделился пьяный господин и пригласил Мери на мазурку. Адъютант из числа поклонников Мери, не желая быть замешанным «в историю», смешался с толпой, и тут Печорин проявил свою волю и смелость: он взял краснорожего господина довольно крепко за руку и, посмотрев ему пристально в глаза, попросил удалиться, потому что княжна якобы обещала мазурку ему. Печорин «был вознагражден глубоким, чудесным взглядом». Благодарная княгиня пригласила Печорина бывать в их доме. Печорин дал понять Мери, что она давно ему нравится. Вскоре он разочаровал ее относительно Грушницкого, мимоходом заметив, что он юнкер (а не разжалованный офицер, как думала девушка).

И в доме у Лиговских Печорин, в отличие от Грушницкого, отзывается довольно сдержанно о голосе Мери, ведет себя по отношению к ней снисходительно и равнодушно; это сердит девушку. К Грушницкому она теряет интерес, что тотчас же было замечено Печориным. Не отступая от своей «системы», заинтересовав Мери «странным» случаем из своей жизни, он старается чаще оставлять Мери наедине с Грушницким. Теперь это

перестает ей нравиться, Грушницкий ей надоедает. Печорин перестает говорить с Мери и тем еще больше разжигает в ней интерес к себе.

Размышляя над причиной своего поведения относительно Мери, Печорин недоумевает, зачем ему любовь Мери — тут нет непреодолимых препятствий, «беспокойной потребности любви» и теперь даже зависти к Грушницкому; разве только наслаждение обладанием молодой душой.

«Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка! он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего... <...> Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?»

Так теперь проявляется честолюбие Печорина, взлелеянное воспитанием и окружающим злом. При этом он не забывает сам мучить другого — поддразнивать Грушницкого, искренне влюбленного в Мери.

Во время прогулки к провалу интерес Мери к Печорину получил новую поддержку: он рассказал ей об обществе, изуродовавшем его душу, эффектно сумел вызвать в девушке жалость и слезы.

«Да, такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом...»

В конце прогулки Печорин испытал торжество: Мери сама обвиняла себя в холодности.

Узнав о предстоящем 5 июня бале, Печорин занял у княжны мазурку, скрыв это от Грушницкого, произведенного в офицеры и получившего наконец возможность быть на балу, от которого он ждал так много. Предчувствуя ход событий, Печорин грустно размышляет о том, что и тут судьба приводит его к развязке чужих драм:

«Я шел медленно, мне было грустно... Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды? С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние!»

На балу он спрятался в толпе, чтобы наблюдать за Грушницким и Мери и подслушать их разговор. Он обнаружил, что Мери уже тайно надсмехается над поклонником, надоевшим ей своими пышными фразами; после третьей кадрили она его уже ненавидела... Узнав, что Печорин танцует с княжной мазурку, Грушницкий страшно обиделся на Печорина и на «девчонку <...>, кокетку» и пообещал отомстить. А расчет Печорина был верен — чем больше мешали Мери быть с Печориным, тем больше ей этого хотелось. При разъезде Печорину удалось в темноте поцеловать руку княжны. В зале, во время ужина, Печорин почувствовал, что против него составляется заговор — драгунский капитан и Грушницкий шептались и перемигивались, вовлекая в дело мщения свою «шайку». Вскоре они распространили слух о предстоящей женитьбе Печорина на Мери. Печорин не против врагов:

«...Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов, — вот что я называю жизнью».

Тем временем Печорин, не в силах добиться тайного свидания с Верой, хочет вызвать ревность к Мери и тем способствовать успеху у Веры.

Как обычно, анализируя свои чувства, Печорин вдруг заметил, что ему «чего-то недостает». Оказывается, ему не хватает Мери. «Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор!»

В Кисловодске, куда переехали Вера, Печорин, Грушницкий с компанией, положение сохраняется: Грушницкий с Печориным почти не здороваются, Печорин же, к своему удивлению, ощутил, как вздрогнуло его сердце при виде Мери.

Во время прогулки, при переезде через Подкумок вброд, Мери почувствовала себя дурно, у нее закружилась голова, и Печорин обнял ее, а потом, не обращая внимания на ее «трепет и смущение», поцеловал. После этого он из любопытства молчит, наблюдая, как Мери выпутается из этого трудного положения. Бедная девушка призналась в любви и не получила ответа; видя ее страдания, Печорин испытывает наслаждение. На следующий день, когда Мери потребовала от него объяснения, он сказал: «Я вас не люблю». Себе он объясняет свое поведение страхом перед женитьбой; к тому же в детстве ему была нагадана «смерть от злой жены». В своем дневнике Печорин размышляет, как всегда, о мотивах своего поведения:

«Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе».

Уезжая в крепость после дуэли с Грушницким, Печорин зашел к княгине проститься. Княгиня ради здоровья и счастья дочери затевает тяжелый разговор с Печориным «Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастье мужа, — я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?..» Потом она с трудом согласилась оставить Печорина и Мери вдвоем. Мери вошла, и перемена в ее облике, кротость ее страдания поразили Печорина. Но он овладел собой и принудил себя говорить ей горькие и беспощадные слова твердым голосом и даже с усмешкой:

«Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот все, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь... Видите ли, я перед вами низок...»

Вызвав таким образом ненависть Мери, он поклонился и вышел.

С тех пор как Грушницкий понял, что Мери увлеклась Печориным, он стал настраивать «водяное общество» против своего счастливого соперника. После слухов о предстоящей женитьбе Печорина на Мери Грушницкий согласился инсценировать дуэль с Печориным, дабы унижить его. Драгунский капитан намеревался поставить Печорина и Грушницкого на шести шагах и не положить пуль в пистолеты. Главное наслаждение должно было состоять в том, чтобы наблюдать предполагавшуюся трусость Печорина. Печорин случайно узнает о замыслах компании Грушницкого, и это позволяет ему использовать ситуацию с выгодой для себя. Поначалу он даже готов помириться с Грушницким, при условии, что тот проявит благородство. Если бы Грушницкий отказался разыграть роль отважного дуэлянта, Печорин «бросился бы ему на шею», но Грушницкий важно согласился, и Печорин ощутил в себе сначала «грусть» за ненависть к себе, потом «ядовитую злость» — ничьей игрушкой он быть не хотел.

Ночью, покидая комнату Веры (ее муж был в отъезде, о чем Вера сообщила в записке), Печорин почувствовал за собой слезку, но отступать не стал. Спрыгивая с балкона, Печорин был схвачен за плечо Грушницким и драгунским капитаном, уверенными, что он идет от Мери (Вера и Мери жили в Кисловодске в одном доме). Ударив драгунского капитана по голове кулаком, Печорин сшиб его с ног и бросился в кусты. Он оказался дома так скоро, что его преследователи, прибежавшие проверять его, обнаружили Печорина в своей комнате. Тревога была отнесена на счет черкесского нападения.

На другой день в зале ресторации Печорин случайно услышал, как Грушницкий рассказал компании молодежи о возвращении Печорина ночью от княжны. Печорин потребовал от Грушницкого отказаться от своих слов. Медленно и внятно обращаясь к Грушницкому:

«...Прошу вас сейчас же отказаться от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтоб равнодушные женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью».

Но, побуждаемый драгунским капитаном, Грушницкий повторил клевету. Печорин сделал свой вызов.

Его секундант, доктор Вернер, поведал об изменении планов их противников — во время нечаянно подслушанного Вернером разговора они договорились зарядить только пистолет Грушницкого. Печорин просил Вернера не разглашать эту тайну, «поддаваться» им он ни за что не станет.

Ночь перед дуэлью Печорин не спал. В состоянии тайного беспокойства он с час ходил по комнате. Горькие мысли его обуревали:

«Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уже скучно. Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..»

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни. <...> И, может быть, я завтра умру!, и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь — из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!»

Нервы Печорина успокоились, когда рассвело, и, посмотрев в зеркало, он остался доволен собой: глаза, хотя и были окружены коричневой тенью, «блистали гордо и неумолимо». Телесные и душевные силы восстановились после купания в Нарзане, Печорин даже имел силы увидеть смешное в одежде доктора Вернера — он расхохотался над его косматой шапкой. Печорин успокаивал доктора, проводя аналогию решившегося на смерть с больным. В это утро, больше чем когда-нибудь прежде, Печорин любил природу, с жадностью и любопытством вглядывался в нее.

На месте дуэли Печорин согласился на предложенное доктором примирение, но Грушницкий, опять же понуждаемый капитаном, отказался: для этого ему надо было публично отказаться от клеветы.

Тогда Печорин, испытывая Грушницкого, ужесточил условия дуэли — на краю пропасти, куда противники будут вставать по очереди, даже легкая рана окажется смертельной. Грушницкий колебался: стреляясь при обыкновенных условиях, хотя бы и на шести шагах, он мог целить Печорину в ногу, легко его ранить и удовлетворить свою месть, не отягощая слишком своей совести; теперь же он должен был или стрелять в воздух, или сделаться убийцей, или оставить свой подлый замысел.

Когда они поднимались на гору, Грушницкий споткнулся, и его противник напомнил ему, что это плохая примета.

Продолжая испытание Грушницкого, Печорин решил предоставить ему все выгоды, ожидая от него великодушия, но самолюбие и слабость характера Грушницкого должны были победить. Состоялся договор Печорина с совестью — он давал себе право не щадить Грушницкого, если тот не будет великодушен.

Кинули жребий, Грушницкому выпало стрелять первому. Печорин был уверен, что Грушницкий выстрелит в воздух. Печорин стал на краю площадки, подавшись вперед.

Грушницкий поднял пистолет на безоружного и опустил его, «побледнев как полотно» и произнес «Не могу». Только после слов капитана («Трус!») он выстрелил. Пуля оцарапала Печорину колено, и он быстро отошел от края.

После разыгранной капитаном сцены с Грушницким (капитан еле удерживался от смеха) Грушницкий остался против Печорина.

«Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого рода чувство кипело тогда в груди моей: то была и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такою спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку, ибо, раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса».

Не найдя в лице Грушницкого следов раскаяния, Печорин предложил ему помолиться Богу — в ответ Грушницкий поторопил его с выстрелом. Капитан предложил не тянуть время. Только после этого Печорин уличил своих противников в обмане. Когда капитан стал все отрицать, Печорин сделал вызов и ему. Капитан замаялся, а Грушницкий, «смущенный и мрачный», признался в обмане.

Стоя под пистолетом, он вновь отказался извиниться перед Печориным, закричав: «Стреляйте! <...> я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...» Тогда Печорин выстрелил. «Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва». «Finita la comedia!»¹ — сказал Печорин доктору, и доктор с ужасом отвернулся, а назавтра сообщил Печорину о подозрениях начальства и не подал ему руки.

Взаимоотношения с Мери служат Печорину лишь для прикрытия романа с Верой. Вера приезжает в Пятигорск ради Печорина, он чувствует ее любовь и поэтому не в силах ее обмануть. Он идет к Вере на свидание, даже заподозрив слежку. Он видит, что она принимает его со всеми слабостями и пороками и будет любить всегда — может быть, именно потому, что он ей не принес ничего, кроме страданий, — «радости забываются, а печали никогда». Печорин честен перед Верой — он говорит ей правду, что не любит Мери. Глубокая нежность Веры не зависит ни от каких условий, но ей кажется, что по достоинству оценить ее возлюбленный не может. Но и отказаться от любви Вера не в состоянии — любовь к Печорину срослась с ее душой, уже никого больше она любить не может.

В письме к Печорину Вера изливает все, что накопилось у нее на сердце. Когда муж рассказал Вере про ссору Печорина с Грушницким, она переменялась в лице, а потом, видимо, сообщила ему, что любит Печорина Вера была тяжело оскорблена мужем и увезена из Кисловодска. В письме есть такие строки:

«Я не стану обвинять тебя — ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву <...> То была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла».

Себя она чувствует погибшей и завещает Печорину помнить ее. Напоследок она срывается до просьбы не жениться на Мери — эту жертву Вера заслужила.

Прочитав письмо, Печорин «как безумный» выскочил из дома и помчался по дороге в Пятигорск. Он «молился, проклинал, плакал, смеялся». При угрозе потерять ее навеки Вера стала для него дороже всего на свете — «дороже жизни, чести, счастья!». Загнав коня, оставшись один в степи, не в силах идти пешком, Печорин упал на мокрую траву

¹ «Комедия окончена!» (ит.)

и «как ребенок заплакал». Он плакал горько, душа его обессилела, но когда голова его освежилась от ночной прохлады, мысли пришли в обычный порядок, он понял, что «гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно», кроме того, «один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него только <...> труднее будет расставаться».

Фаталист

Две недели Печорин прожил в казачьей станице и однажды, оставив карты, офицеры заспорили о том, есть ли предопределение. Все ссылались только на чужие сведения. Поручик Вулич (родом серб, страстный игрок, таинственная и оригинальная личность) предложил испробовать «на себе». «Я вам предлагаю испробовать <...> может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?» Никто, кроме Печорина, не принял пари. Печорин, утверждая, что нет предопределения, поставил на двадцать червонцев — Вулич согласился. Он наудачу снял с гвоздя один из разнокалиберных пистолетов майора, в доме которого все это происходило, взвел курок и насыпал пороху. Его хотели остановить, но безрезультатно. Печорину казалось, что он читает печать смерти на бледном лице Вулича — примета, известная многим старым воинам касательно человека, который должен умереть через несколько часов. Печорин счел возможным сказать об этом Вуличу и прервал общий разговор о том, заряжен ли пистолет, жестокой фразой: «Послушайте, или застрелитесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдемте спать».

Согласны были пойти спать все, кроме Вулича. Приставив дуло пистолета ко лбу, он попросил Печорина бросить вверх карту и в момент соприкосновения карты со столом Вулич спустил курок — осечка.

Но пистолет был заряжен — вторым выстрелом Вулич пробил фуражку, висевшую над окном. Все остолбенели, а Вулич преспокойно пересыпал в свой кошелек выигранные червонцы. Печорин начал верить предопределению, но, однако, опять напомнил Вуличу о своих предчувствиях и теперь смутил этим фаталиста.

Печорин понимал, что в этой ситуации он прослыл эгоистом, провоцирующим другого на смертельно опасный поступок; сам же Печорин убежден, что и без него Вулич мог найти удобный случай погибнуть.

Когда Печорин возвращался домой, то ему стало смешно оттого, что звезды, спокойно сиявшие на небе, могли казаться кому-то знаками судьбы. Однако это убеждение давало предкам силу воли, а их потомки, погруженные в сомнения, лишены надежды и истинного наслаждения, которое «встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою».

Немало дум в тот вечер передумал Печорин, но он «их не удерживал», потому что не любил «останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли».

«И к чему это ведет?.. В первой молодости моей я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге».

В тот вечер Печорин верил предопределению: доказательство было разительное, и он невольно стал заодно с предками и их астрологией; но, однако, вовремя остановил себя на этом опасном пути — у Печорина есть правило ничего не отвергать решительно и ничему не верить слепо. Печорин стал смотреть под ноги, и очень кстати: он чуть не упал, наткнувшись на разрубленную шашкой свинью. Оказалось, это дело рук пьяного

казака, которого искали товарищи, чтобы связать, потому что в таком состоянии он может натворить много бед.

Несмотря на то, что Печорина дожидалась хорошенькая дочка хозяина квартиры, он прошел мимо — в тот вечер ему было не до нее.

Уже в четыре часа в окно застучали — оказалось, Вулич убит пьяным казаком через полчаса после доказательства благосклонности к нему судьбы. Зачем-то Вулич остановил казака и был зарублен им. Умирая, Вулич произнес слова, имевшие в виду, конечно, Печорина: «Он прав». Печорин убедился, что инстинкт не обманул его — он предсказал Вуличу его судьбу.

Убийца заперся в пустой хате на конце станицы; никто не решался его схватить. Печорин посмотрел в щель ставня на лицо преступника и не прочел большой решимости в его беспокойном взгляде. Если его брать, то сейчас, пока он не опомнился, — такой совет дал Печорин майору.

В эту минуту Печорин решил, подобно Вуличу, испытать судьбу. Он решил взять казака живым. Велев есаулу завести с ним разговор и поставив у дверей трех человек, готовых ее выбить и броситься на помощь, он обошел хату и приблизился к роковому окну; сердце его сильно билось.

Есаул отвлекал казака разговором, и вдруг Печорин оторвал ставень и бросился в окно головой вниз. Выстрел раздался над самым ухом Печорина, пуля сорвала эполет. Но дым, наполнивший комнату, помешал его противнику найти шашку, лежавшую возле него. Печорин схватил его за руки, казаки ворвались, и убийца был связан. Офицеры поздравляли Печорина

«После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом? Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. И как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..

Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!»